

Она медленно подошла к шезлонгу, ступая крайне осторожно, боясь потревожить рану. Едва коснувшись его, она ощутила приятную мягкость и комфорт. Женщина плавно опустилась, прикрыла глаза, и всё вокруг словно погрузилось в безмятежный покой. Мысли её унеслись вдаль: она пыталась представить, о чём думала Ху Цинхань, когда сидела здесь. Возможно, та искала решение рабочих проблем или строила планы на их общее будущее. Она погрузилась в свои грёзы, чувствуя едва уловимую душевную связь с Ху Цинхань.

То ли из-за слабости после травмы, то ли шезлонг оказался слишком удобным, но Е Линхуэй незаметно провалилась в глубокий сон. Тётушка Цзюй, заметив это, принесла тонкое одеяло и укрыла девушку. Глядя на её безмятежное лицо, она невольно вспомнила собственную дочь.

Тётушка Цзюй приехала в большой город из маленького уезда. Она выросла в несчастливой семье, где отец постоянно поднимал руку на мать. Чтобы сбежать из этого ада, она рано вышла замуж. Хотя её муж и не распускал руки, он оказался эгоистичным, мелочным и самовлюблённым тираном с огромными амбициями, но без каких-либо талантов. Он вечно помыкал ею, подавлял морально и до копейки высчитывал расходы, требуя ежедневных отчётов. Когда семья садилась обедать, жена металась по кухне, а муж, не отрываясь от еды, стучал палочками по столу, требуя то уксуса, то чистую тарелку. Он не терпел ни малейшего неповиновения. Их отношения можно было описать так: при детях — супруги, за закрытыми дверями — чужие люди.

Тётушка Цзюй мучительно пыталась выжить в этом браке, не раз помышляя о том, чтобы уйти из жизни и разом всё закончить. Но стоило ей вспомнить о маленькой дочурке, как отчаянные мысли отступали. Дочь была единственным лучиком света в её серой жизни, тем, ради чего стоило держаться. Она знала, что не имеет права быть такой эгоисткой и бросить ребёнка один на один с жестоким миром. И тётушка Цзюй, сцепив зубы, продолжала терпеть унижения и боль, лишь бы обеспечить дочери хоть сколько-то стабильное детство.

Однако жизнь не менялась. Она понимала, что нельзя вечно оставаться в этой тьме, иначе это пагубно отразится на будущем дочери. Чтобы вырваться, нужно было обрести финансовую независимость. Она решила оставить родной уезд и попытать счастья в мегаполисе.

Худу встретил её шумом и блеском, поначалу пугая, но даря надежду. Не имея образования, она могла рассчитывать лишь на работу официанткой. В бесконечной суете она случайно узнала, что домашние помощницы зарабатывают больше, а труд их легче. Не раздумывая, она начала поиски и вскоре получила такую работу.

Общаясь с другими нянями, она поняла: наличие сертификатов диетолога и повара значительно повышает оплату. Тётушка Цзюй увидела цель. Она начала учиться в свободное время, упорно постигая основы нутрициологии и кулинарного искусства.

Сейчас она уже прочно обосновалась в Худу. Благодаря своему трудолюбию она стала получать хороший доход, которого хватало на то, чтобы перевезти дочь и дать ей достойное образование. Лучшие условия жизни и возможности для развития — это было именно то, что нужно ребёнку.

Тётушка Цзюй уже всё решила: как только Е Линхуэй поправится, она вернётся в уезд за дочерью. Мечтая о том, как они будут жить в этом большом городе и как её девочка будет расти в благоприятной среде, она невольно улыбнулась. Она знала, что это лишь начало новой, полной надежд жизни.

Пик-пик. Звуковой сигнал рисоварки вернул её в реальность. Она поспешила на кухню заканчивать ужин.

Ху Цинхань ещё не успела выйти из лифта, как её взгляд приковало розовое пятно в конце коридора. Две ноги в розовых тапочках-зайчиках беззаботно покоились на её любимом шезлонге, обнажая изящные щиколотки и источая атмосферу покоя и уюта.

Она вышла из лифта и тихо переобулась, боясь нарушить эту тишину. Подойдя к Е Линхуэй, она увидела, что та погружена в сладкий сон.

Вечерний свет мягко падал на тонкие черты лица девушки, делая её ещё прекраснее. Высокая переносица, словно выточенная скульптором, изогнутые брови, напоминающие молодой месяц — всё в ней казалось совершенным произведением искусства. Кожа, чистая и нежная, как баранье сало, слегка порозовевшие щёки — хотелось гадать, какие дивные сны ей снятся. Рука, небрежно лежащая рядом, выглядела грациозно, словно спящая фея, которую не хотелось тревожить. Голова была слегка повёрнута, длинные ресницы отбрасывали тень на щёки, едва заметно подрагивая, будто в её сне разворачивалась какая-то удивительная история. Ху Цинхань замерла, глядя на неё, и в сердце разлилась невыразимая нежность.

В этот момент к ней бесшумно подошла тётушка Цзюй и прошептала:

— Нужно ли разбудить госпожу Е к ужину?

Голос её был едва слышен, но Е Линхуэй всё же уловила звуки. Она прикрыла глаза рукой, защищаясь от слепящего света, и спросила:

— Тётушка Цзюй, уже пора ужинать?

Ху Цинхань подошла ближе, заслоняя собой лучи закатного солнца. Она протянула руку, чтобы помочь девушке подняться.

— Да, пора, — ответила она.

Е Линхуэй подняла голову. Заходящее солнце, пробиваясь из-за спины Ху Цинхань, очертило её фигуру сияющим золотым контуром, словно наделив священным ореолом. Лицо в контровом свете казалось полупрозрачным, изящным, как драгоценный нефрит. Лёгкий ветерок шевелил пряди волос, и Ху Цинхань в этот миг походила на божество, сошедшее из таинственного сна. Весь мир с его суетой словно перестал существовать, оставив лишь это ошеломляющее спокойствие.

Видя, что Е Линхуэй ошеломлённо смотрит на неё, Ху Цинхань помахала рукой перед её лицом. В следующее мгновение лицо Ху Цинхань, заметно увеличившись, оказалось прямо

перед глазами Е Линхуэй. Она подалась вперёд, вглядываясь в её глаза, пытаясь прочесть в них то, о чём та сейчас думает.

<http://bllate.org/book/19759/1945739>